

Академик Ж.И. Алфёров: Пессимисты в России не живут!

В Новосибирске и Академгородке в очередной раз побывал с визитом лауреат Нобелевской премии по физике, депутат Государственной Думы РФ, председатель Научно-образовательного комплекса «Санкт-Петербургский физико-технический научно-образовательный центр» РАН, председатель Президиума Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук, сопредседатель Консультативного научного совета Фонда «Сколково» академик Ж.И. Алфёров. Жорес Иванович провёл ряд встреч: с руководством Отделения, студентами НГУ и НГТУ, а также в Доме учёных СО РАН — с научной общественностью Академгородка.

С начала председатель СО РАН академик А.Л. Асеев коротко рассказал гостю об основных достижениях учёных-сибиряков, остановился на проблемах, которые решают научные организации Сибирского отделения, ответил на ряд его вопросов.

Затем слово было предоставлено Ж.И. Алфёрову.

— С чего начать? — живо поинтересовался гость.

— Лучше со Сколково, — ответил А.Л. Асеев.

— Хорошо, тогда я добавлю ко всем названным Александром Леонидовичем моим титулам и званиям ещё одно, в данный момент самое главное: я являюсь почётным членом Сибирского отделения РАН. Ну, а теперь по теме, которая вам наиболее интересна...

Когда возникла идея Сколково, — сказал Ж. И. Алфёров, — и ко мне обратились с просьбой возглавить научный совет, я сразу согласился. С моей точки зрения, у нашей страны нет важнее задачи, как возрождение современной промышленности. Мы очень много потеряли за 20 лет. Вся система отраслевых министерств, которая была создана в советское время, что бы там ни говорили, работала хорошо. И при нормальном развитии событий десятка ведущих из них (в том числе и оборонного комплекса, который помимо всего выпускал ещё и 60 процентов высокотехнологичной продукции для народного хозяйства) справилась бы и с современным научно-техническим перевооружением. Я, например, сотрудничал с оборонпромом с первого дня моей работы в Академии наук. Возникли и проблемы, но они успешно решались, и при нормальном подходе к делу эти министерства могли бы стать транснациональными компаниями и успешно конкурировать с Западом. Но этого не произошло.

Между тем, минувшие 20—25 лет на Западе стали временем бурного развития технологий. Мы же оказались на обочине этого пути. И поэтому нужно делать всё для того, чтобы ликвидировать этот разрыв, а в основе технологического развития всегда лежит наука. В этом отношении, когда у нас говорят о мнимом разделении науки на фундаментальную и прикладную, я всегда цитирую Джорджа Портера, физика и нобелевского лауреата по химии, с которым я был хорошо знаком. Он говорил, что вся наука прикладная, разница только в том, что одни открытия находят применение быстро, а некоторые — через столетия.

Предложение возглавить сколковский научный совет было сделано мне по той простой причине, что «наверху» счита-

ли, что здесь нужен нобелевский лауреат, а на данный момент я был в стране единственным живущим, что, конечно же, очень плохо. Сначала предполагалось, что это будет научно-технический совет, но потом в документах появилось название консультативный, что совсем другое дело. Но, исходя из реалий, всё равно нужно работать.

С самого начала мы, учёные, в Думе, — а я являюсь депутатом от КПРФ, — внесли в закон о Сколково поправку, которая предусматривала, чтобы в числе условий получения статуса резидента, предусматривающего существенные налоговые льготы, была и обязательная экспертиза Консультативного совета. Поправка была отклонена с обещанием, что это правило станет обязательным согласно уставу Фонда, но и этого не произошло. Фактически на очень важный аспект мы не можем оказывать влияния.

Идеология Сколково, не смотря на ряд недостатков, в целом положительная. Научно-консультативный совет в итоге получился хорошим, хотя предлагаемые составы изменялись неоднократно. Изначально я планировал, что в его составе будет две трети российских учёных и треть — зарубежных; получилось 60 на 40, что тоже неплохо. Сопредседателем научно-консультативного совета по моей рекомендации был избран тоже нобелевский лауреат и сын нобелевского лауреата, американский биохимик, профессор структурной биологии Стэнфордского университета Роджер Дэвид Корнберг. Мы находим общий язык, и разногласий в научном сообществе Сколково у нас нет. И более того: наши зарубежные коллеги всегда проводят линию на поддержку российской науки.

Хотя практически все основные решения проходят мимо нас. Кластеры и руководители соответствующих структур утверждены без нас, но нам всё же удалось добиться, что мы будем влиять на отбираемые для реализации проекты. Происходит, в общем-то, то, чего и следовало ожидать: многие проекты участников фонда, скажем так, мало обоснованы реальным существом дела. Например, в созданном уже Центре квантовой оптики и технологий числятся некоторые учёные, которые реальной работы в нём никакой не ведут. Но, в принципе, поскольку этот проект, направленный на развитие технологий на основе научных исследований, несмотря на недостатки, вплоть до неудачно выбранного места, действует, то в нём, конечно, нужно работать и учёным.

На одном из заседаний меня поддержал и президент страны: Сколково — это не территория, Сколково — это определённая идеология, направленная на получение результатов в развитии высоких технологий для промышленности. И статус участника должен определяться не тем, что он находится в Сколково, а характером его работы.

С самого начала возникла идея создания Сколковского технологического университета, которую мы поддержали. Идея заключалась в следующем — я над этим работал несколько лет в Санкт-Петербурге — создать академический университет и одновременно научно-образовательный центр новых технологий.

В стране, — сказал Ж.И. Алфёров, — и вы это знаете не хуже меня, мы потеряли образовательный компонент в аспирантуре — она утратила прежнее своё значение в качестве подготовки специалиста и научного сотрудника высокой квалификации. Современная двухступенчатая система подготовки по западному образцу далеко не везде приемлема. В иных специальностях магистрату-

ра необходима. И аспирантура тоже. Поэтому была идея создать и в Сколково академический университет.

Но совершенно неожиданно было подписано соглашение Фонда «Сколково» с Массачусетским технологическим институтом о начале сотрудничества в области образования и исследований в России в рамках строительства российской «Кремневой долины». Всё это, может, и неплохо, и назначенный президентом университета американский профессор Кроули тоже специалист высокого уровня в своём деле, но мы-то планировали иначе, полагали, что это должен быть россиянин, и рассматривали за университетом несколько иные функции.

В Сколково должен был появиться современный образовательно-исследовательский центр с подбором и научных работников, и профессоров. В сущности, такие центры нам нужно бы создавать по всей России при крупных вузах и одновременно учить молодых людей специальности и давать навыки исследовательской работы. Такие центры, созданные на межвузовской основе, могли бы в новых условиях рыночной экономики стать своеобразными юридическими лицами, где формировались бы навыки и для будущего околонуточного бизнеса. Такие попытки уже делались в прошлом веке, в частности, в новосибирском Академгородке, где соединение науки, образования и бизнеса на новом витке может дать неплохие результаты. Здесь могут действовать образовательные и исследовательские программы одновременно. Отбор таких центров должен осуществляться обязательно на конкурсной основе. А в Сколково пока эти решения, в том числе и по центру квантовой криптографии, принимаются произвольно, и пока не ясно, что из этого получится.

Мы знаем, как создавались наши ведущие исследовательские институты. На это нужны годы даже при огромном, как это было с Курчатовским центром, практически неограниченном финансировании. А сейчас результат ожидается слишком торопливо.

Далее Ж.И. Алфёров остановился на некоторых планах деятельности Научно-консультативного совета фонда «Сколково». В частности, он рассказал о том, что в марте планируется заседание совета в Москве, затем в марте следующего года — в Берлине, где накоплен хороший опыт взаимодействия науки с технопарками и университетами. А на июнь принято предложение провести очередную сессию Научно-консультативного совета в Новосибирском Академгородке. И наша задача — хорошо его подготовить, чтобы наши зарубежные коллеги увидели, что в России наука развивается не только в

Москве и Санкт-Петербурге.

После этого, осенью предполагается заседание совета в Минске. Жорес Иванович уже был там на Международной неделе инновационных разработок. Впечатления самые хорошие, и деятельность нынешнего премьера Белоруссии Михаила Владимировича Мясникова, к слову, доктора экономических наук и в недавнем прошлом президента НАНБ, в сфере инновационного развития заслуживает пристального внимания.

В Сколково, сказал академик Алфёров, многое хотелось бы изменить, многого ещё предстоит добиваться. Вместе с тем, этот проект в итоге приносит пользу, и, исходя из нынешних российских реалий, со Сколково необходимо работать. А как это будет, во многом зависит от нас самих.

В заключение нобелевский лауреат остановился на некоторых вопросах кадровой политики, подчеркнул высокую цену правильных управленческих решений. Жорес Иванович рассказал, как в становлении его личной судьбы огромную роль сыграл Мстислав Всеволодович Келдыш, который своевременно понял, почувствовал значение исследований полупроводниковых гетероструктур для будущего науки и техники. И Келдыш был не единственный президент Академии наук, далеко предугадывающий развитие научно-технической мысли.

Нынешняя ставка на отдельное развитие вузовской науки ничем не оправдана. Вузы никогда не мешали науке, и наоборот. Российский и, в частности, новосибирский опыт уникален и заслуживает развития. Соединение научной мысли с образованием, с промышленной практикой — краеугольный камень будущей российской экономики. И хотя кое-кто хотел бы сделать из Академии наук некий элитарный клуб, вряд ли это удастся.

Заклучил свое выступление перед учёными Новосибирского научного центра академик Ж.И. Алфёров следующими словами:

— Мне уже не раз приходилось повторять: в России живут только оптимисты, пессимисты уже давно уехали. Скажу я это и сегодня. Нам жить и работать именно в России, в том числе, и в вашей замечательной Сибири.

И как тут не вспомнить шуточные слова другого выдающегося нашего учёного, основателя Сибирского отделения академика Михаила Алексеевича Лаврентьева, ставшие в своё время лозунгом первопоселенцев: «Обезьяны в Сибири жить не могут. Они там замерзнут». Переключка научного взгляда на жизнь с разницей в полвека...

А. Надточий, «НВС»
Фото Ю. Плотникова